

персиков, баночки голландского шишучего лимонада «Si-Si». Открытые бутылки маскировались под стол, закрытые в сейфе – антиалкогольная кампания в разгаре! Бершатский приготовил фирменное блюдо: голубцы в виноградных листьях.

Баб звать не стали, не тот день. И нового комбата к столу тоже не пригласили – недостойн. Моложавый майор был глуповат и ужасно не фартовый, при нём за три месяца батальон потерял уже шестнадцать человек убитыми и более пятидесяти ранеными! А при его предшественнике таких потерь и за целый год не понесли...

Тесно было не только на столах, но и вокруг – табуретки и стулья стояли вплотную. Дежурному по роте сержанту-таджику велели попусту командиров не беспокоить, все вопросы решать с молодым лейтенантом-взводным, только прибывшим из Союза, накрепко закрылись – мало ли, вдруг парторг и пропагандист пойдут в антиалкогольный обход!

Поначалу проводы как всегда шли организованно – распорядителем выступал Шерстюченко, и Эдик внезапно взревновал его к своему батальону, хотя сам его рекомендовал командованию на своё место.

- Предлагаю тост за Эдурда Громобоева – будущего начальника Главного политического управления Советской Армии! – провозгласил тост Марабу.

- Спасибо, Санёк! Красиво, заманчиво, но не реализуемо, – улыбнулся Эдик. – Моё место здесь в окопах, а там я скорее всего буду лишним. Таких оболтусов и разгильдяев как я так высоко не пропустят...

Первые полчаса произносили красивые и складные тосты по очереди, по старшинству, потом закурили, зашумели, начался бардак. Старшина врубил магнитофон «Sharp» из которого полились отечественные хиты: «Лаванда», «Две звезды», «Есаул», «Казацкая»...

Хозяин каптёрки прапорщик-азербайджанец, выпив несколько рюмок коньяка, расчувствовался, разговорился и напомнил Эдику, как он спас ему жизнь прошлой осенью. Этому говорливому и хвастливому Халипову, капитан Громобоев действительно был обязан жизнью. В октябре Рамзан единственный раз за год пошёл на боевую операцию. Напросился. Сумел уговорить молодого на тот момент (прежний погиб) командира

роты Александра, по кличке Марабу, взять с собой в рейд. Халилов покинул каптёрку и, по его словам, оправился в поход за медалью. Опасаясь за свою драгоценную жизнь, нацепил на себя тяжёлый бронезилет и обшитую камуфляжем каску, чем вызвал многочисленные насмешки офицеров. Однако же старшина не оплошал и действительно пригодился: оказался в нужном месте и в нужное время...

...Дивизия проводила массированную зачистку местности в районе Мирбача: коты минировали местность, взрывали развалины, ломали дувалы, давили виноградники, задымляли колодцы-кяризы. Внезапно взвод сапёров попал в засаду и был расстрелян мятежниками почти в упор из укрытий. Первая рота находилась рядом на отдыхе, и бросилась их спасать, а Эдик как старший от батальона побежал в «зелёнку» вместе с ними.

Почти сразу завязался жестокий скоротечный бой. Громобоев укрывшись за большим деревом, пытался подавить огневую точку за арыком, как вдруг, позади, раздалась короткая очередь, и две пули впились в ствол ореха в считанных сантиметрах над головой. Эдуард обернулся и в груди похолодело. В двадцати шагах позади, раскинувшись в пыли, валялся мёртвый афганец. К убитому душману (выглядело это забавно, если бы не обстоятельства), то ползком, то вприпрыжку, то на четвереньках, подбирался старшина и что-то громко завывая, кричал на родном языке. Капитан выпустил ещё несколько очередей в сторону мятежников, опустошил весь магазин, и лишь потом подбежал к поверженному противнику. Он склонился над трупом, внимательно посмотрел на поверженного врага. Убитый лежал в луже крови, три пули в груди и в животе навывлет, и был совсем мальчишка, лет тринадцати-четырнадцати, не больше, ему бы в школу ходить, да в футбол играть, а не воевать. Одной рукой безбородый «моджахед» всё ещё крепко сжимал автомат за цевьё, вторая рука была неестественно заломлена за спину.

Старшина стоял рядом, трясясь всем телом, цокал языком и бормотал что-то невнятное. Затем чуть успокоившись, снял каску с головы и вытер пот со лба.

- Я не знал! – воскликнул Рамзан громко. – Стрельнул – он упал!

- Что ты не знал? – спросил командир роты.

- Не видел, что это малчик!

- Рамзан, всё правильно! Ты спас замкомбата! Благодаря твоим метким попаданиям он стрелял в капитана уже убитым!

В груди Эдика похолодело: он понял и отчётливо представил – а ведь верно, ещё доля секунды и было бы поздно, душман расстрелял бы его в упор! Гибель была неминуема!

- Малчик! Сапсэм малчик! – охал, не переставая переживать старшина.

- Не убей ты его, тогда бы он убил Эдурда! Виноват, товарища капитана Громобоева! – выкрикнул ротный. – А потом и тебя тоже грохнул бы, ни на секунду не задумываясь!

Командир роты разжал пальцы подро-

стка, забрал китайский АК-47, срезал нагрудник с магазинами и гранатами, протянул Громобоеву. Эдик отрицательно покачал головой.

- Нет, пусть старшина себе забирает, это его трофей. Спасибо, Халилыч!

В тот день рота с большим трудом выбралась из огневого мешка – спас положение комбат танкового батальона, лично пробившись к ним на танке. Потеряв ранеными несколько человек (один солдат позже в госпитале умер от ран), прорвались к своим позициям.

По возвращению в полк, старшина повесил трофейный окровавленный «лифчик» в каптерке над столом и при случае хвастался перед друзьями прапорщиками, как он спас заместителя командира батальона. Через полгода Рамзан получил свою заслуженную медаль «За отвагу», а в рейды предпочитал больше не ходить и заниматься хозяйственными делами роты...

Громобоев довольно быстро захмелел, потерял нить разговора, хоть и пытался думать, но получалось плохо, поэтому он, то глуповато улыбался, то внезапно грустил и вытирал ладонью набегавшую слезу.

- Да, повезло тебе Эдик! Столько боёв и передряг, но выжил, – хлопнул по плечу ветерана начальник штаба батальона Тарбеев. – Поделись удачей!

- А ты в момент опасности плюй три раза по три раза через левое плечо, соблюдай нехитрые правила: не ходить в рейд перед отпуском и перед заменой, перед выходом на боевые не пей, и не ставь прививки в санчасти – тогда точно не заболеешь. И ещё у меня всегда был со мной амулет – на шее на цепочке личный номер. (Эдуард вынул номерок из-за пазухи и продемонстрировал друзьям.) Один раз его забыл и чуть не погиб!

- Чуть – не считается! – хмыкнул Афоня. – Но как можно забыть свой талисман?

- Да так вот! Накануне выхода на боевые в Баграмскую зелёнку парился я в баньке, было жарко, я его и снял. А потом, когда на следующий день в кишлаке по нам минами долбанули, и осколки вокруг кучно засвистели, я рукой хватя грудь – а там под тельняшкой пустота – нет номерка! Ну, думаю, Эдик, тут твоя смерть и пришла... Один осколок размором с половиной ладони возле головы в дувал врезался, чуть башку мне не разможил, я его потом еле-еле финкой из глины выковырял. Так вот едва-едва от меня удача не отвернулась. Чудеса, но опять повезло...

Приглашённые на проводы командиры чуть притихли, но выслушав рассказ, вновь загомонили, сдвинули стаканы, разлили спиртное и выпили за удачу. Несколько секунд помолчали, размышляя, но вскоре вновь вразной зашумели, заговорили. Вспоминали бои, забавные истории, хвалились подвигами. Как смогли, нестройно спели пару песен. Дойдя до нужной кондиции, друзья-приятели расплозились по комнатам примерно часа в три ночи. Проводы удались...

Раскалённое солнце, стоявшее в зените, прожаривало сухой кабульский воз-

БОЕВОЕ БРАТСТВО: ФОТОХРОНИКА

